

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2021. Том 25, № 3
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1

ББК 81.411.2

DOI 10.18522/1995-0640-2021-3-50-60

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РЕАЛИЗАЦИИ
ПРИЗНАКОВ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ
ПРИ ОБРАЗОВАНИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ
(на материале романа Ф.М. Достоевского
«Преступление и наказание»)**

Е.Н. Бекасова

Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Россия

Аннотация. Причастия являются одной из самых дискуссионных частеречных категорий, требующих всестороннего изучения, в том числе в плане сохранения грамматических признаков глагола и их трансформации в актуальных для причастий значениях залога и времени. Характер реализации признаков глагольных основ позволяет выявить особенности представления вида, залога, переходности/непереходности при образовании действительных причастий на материале систематизированных групп, функционирующих в пределах художественного текста в период стандартизации норм русского литературного языка.

Ключевые слова: грамматический статус, причастие, действительные причастия, глагольная основа, грамматические признаки, форманты, системный подход, идиостиль.

Введение

Причастия в русском языке представляют собой одну из наиболее сложных грамматических категорий, которая, являясь по своему происхождению индоевропейским образованием, прошла настолько сложный путь развития, что не только по-разному проявляется в живой речи и в книжно-литературном языке, но и позволяет проследить закономерности структурной организации и функционально-стилистической нагруженности причастий в условиях грамматической стандартизации русского литературного языка в XIX-XX вв. и специфики её преломления в индивидуальном творчестве автора [Устюгова, 2017; Бекасова, Устюгова, 2019].

Как книжная категория, причастия испытали влияние наиболее развитых для своего времени литературных языков – старославянского, а через его посредничество и древнегреческого. При этом система древнейшего литературно-письменного языка славян затронула не только

план выражения – вытеснение исконного варианта суффикса действительных причастий настоящего времени *-уч-/-ач-*, перешедшего в разряд прилагательных, старославянской формой с *-ущ-/-ащ-* [Шахматов, 1957, с. 137 – 138]), но и план содержания, что привело к усилению в русской грамматической системе категории качественности, в результате чего произошло ослабление предикативного значения у причастий и возникновение новой грамматической категории – деепричастий [Виноградов, 1982, с. 204]. В новое время влияние западноевропейских языков вызвало появление в результате калькирования церковнославянизмов типа *выдающаяся личность* и своеобразных «традиционно русских «этических» формул типа *загребущие руки*» [Колесов, 2005, с. 592].

В результате столкновения старого и нового сформировалась достаточно асимметричная система русских причастий, которая, несмотря на постоянное внимание лингвистов, до сих пор остаётся в известной степени «вещью в себе» (подробнее см.: [Изотов, 1993; Замятина, 2009; Волынец, 2011; Кунавина, 2016; Войдович, 2016; Котов, Мухина, 2019] и др.). Отсюда и дискуссионность определения грамматического статуса, семантической природы и специфики функционирования «одного из самых неустойчивых элементов русской грамматической системы» [Замятина, Сызранова, 2013, с. 118], что так или иначе отражается на преподавании причастия в вузе и школе. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что отмечаемые особенности причастия как «смешанной категории» [Пешковский, 2001, с. 99] или «гибридных слов» [Виноградов, 1972, с. 230] привели к отсутствию в школьных учебниках единообразия в определении частеречной принадлежности причастий – или форма глагола [Разумовская и др., 2019] или самостоятельная часть речи [Бабайцева, Чеснокова, 2020; Бунеев и др., 2016], хотя в целом характерная для большинства современных учебников по русскому языку направленность на формирование коммуникативной и информационной компетенций в процессе обучения способствует достаточно глубокому изучению причастий. Однако причастия также предоставляют богатейший материал для освоения базовых понятий лингвистики, поскольку у причастий, в отличие от других грамматических категорий, этот материал как бы лежит на поверхности, позволяя учащимся проникать в доступные их возрасту тайны формирования грамматических явлений [Бекасова, Устюгова, 2016].

Цель настоящей статьи – обратить внимание на особенности реализации грамматических признаков глагольных основ при образовании причастий. Объект нашего исследования в данном случае ограничен действительными причастиями настоящего и прошедшего времени, претерпевшими существенные изменения в процессе становления русского литературного языка. При этом в рамках данной статьи причастие рассматривается как атрибутивная форма глагола, сохраняющая значимые грамматические признаки глагольных основ и при помощи специальных суффиксов выражающая наиболее актуальные для причастий значения залога (действительного или страдательного) и времени (на-

стоящего или прошедшего) [Русская грамматика, 1982, с. 665 – 671]. Материалом для исследования послужили причастия, зафиксированные в романе Ф. Достоевского «Преступление и наказание». Актуализация статистических характеристик языковых явлений, предопределённых интенсивным развитием корпусной лингвистики, обусловила проведение количественного анализа указанных причастий с учетом грамматических признаков и структурных особенностей глагольных основ [Устюгова, 2016].

Исследование и его результаты

Выделенные признаки глагольных основ предполагают двух- и трёхуровневый анализ, в известной степени сближающийся с методом непосредственно составляющих, при котором анализируемая единица представляется «в виде иерархии вложенных друг в друга элементов» [Лингвистический словарь, 1990, с. 332]. Так, признак переходность / непереходность, связанный с лексическим значением глаголов, является ведущим при разграничении мотивирующих основ действительных причастий, указывающих, что действие произведено определяемым именем типа *подошедший мужик, заплывшие глазки* (примеры приводятся в той форме, в какой они представлены в тексте романа). От переходных глаголов образуются только действительные причастия, в то время как в парадигму переходных глаголов входят и действительные, и страдательные причастия. В романе Ф. Достоевского «Преступление и наказание» зафиксировано 307 словоформ действительных причастий от переходных глаголов и только 127 словоформ, или 29 %, – от переходных.

С переходностью / непереходностью тесно связан признак невозвратность / возвратность. В структуре возвратных глаголов, как известно, имеется постфикс *-ся*. Противопоставление глагольных основ по этому признаку возможно только в подгруппе переходных глаголов. Для причастий от возвратных глаголов в анализируемом романе характерна невысокая частотность употребления – 1,3 (119 словоформ, зафиксированных в 160 примерах). При этом 20 возвратных словоформ являются причастиями настоящего времени, а 99,83 % – причастиями прошедшего времени.

Весьма сложные отношения наблюдаются при образовании причастий от глагольных основ, различающихся видовой принадлежностью, которая связана с временным значением словоформ. Сохраняя видовое значение глагольной основы, причастия выражают значение времени при помощи специальных суффиксов – *-ущ-/ -ющ-*, *-ащ-/ -ящ-* (настоящее время) и *-вш-*, *-ш-* (прошедшего времени).

Следует отметить, что формы настоящего времени и действительных, и страдательных причастий образуются только от глаголов несовершенного вида (далее – НСВ) типа *презирающие, отделяемой*. Формы действительных причастий прошедшего времени возможны

от глаголов обоих видов: *дрожавшие, стоявшая* (НСВ); *занявший, потухший* (совершенного вида (далее – СВ)).

При образовании временных форм причастий важны не только видовая принадлежность глагольной основы, но и деление этих основ на два типа – основы настоящего времени (типа *презирај-ут, крич-ат*), от которых образуются словоформы настоящего времени (*презирающий, крич-ащий*), и основы прошедшего времени (*презира-ть, крича-ть*), являющиеся мотивирующими для словоформ прошедшего времени (*презира-вший, крича-вший*).

Следует обратить внимание на то, что в романе «Преступление и наказание» преобладают словоформы причастий прошедшего времени. В группе действительных причастий они составляют 68 % – 294 словоформы. Из них 155 примеров, или 53 %, являются производными от глагольных основ СВ. Причастий настоящего времени зафиксировано 140 словоформ, или 32 %. Ещё более контрастные данные характерны для страдательных причастий, в группе которых 95 % составляют словоформы прошедшего времени (368 примеров). В этой связи особый интерес представляют материалы «Русской корпусной грамматики» (далее – РКГ), использовавшей количественные показатели Национального корпуса русского языка. В частности, сравнение данных РКГ и количественных показателей романа «Преступление и наказание» даёт представление о динамике действительных причастий прошедшего времени в художественной литературе XIX–XXI вв.

В годы, близкие ко времени создания романа «Преступление и наказание», в русской художественной литературе наблюдалось увеличение количества действительных причастий прошедшего времени (1841–1850 гг. – 41,4 %, 1851–1860 гг. – 45,3 % [Русская корпусная грамматика]), которое в анализируемом романе (1866 г.) превышает средний показатель для художественной литературы в целом (ср.: 68 % и 55,9 % для 1861–1870 гг.). Своеобразным пиком увеличения этого типа причастий является период 1871–1880 гг. (59,3 %), после которого начинается спад, дошедший в начале XXI в. до 22,4 %. Таким образом, количество действительных причастий прошедшего времени в романе Ф. Достоевского превышает норму литературного языка 70–80 гг. XIX в., и столь интенсивное изменение их количества выдвигает на первый план проблему употребления временных форм причастий как характеристику идиостиля автора [Устюгова, 2017; Бекасова, Устюгова, 2019].

Анализ особенностей использования временных форм действительных причастий в романе «Преступление и наказание» показывает, что значение времени является наиболее сложным глагольным признаком словоформы причастия. На наш взгляд, именно темпоральность можно рассматривать как доминантную категорию причастий. С этой точки зрения значительный интерес представляют действительные причастия настоящего и прошедшего времени, образованные от одних и тех же глаголов. В романе выявлено 34 пары такого типа производных например: *верующий / веровавший, поющий / певший* и др. Исследовате-

ли отмечают, что выбор временной формы причастия в тексте зависит от целого ряда обстоятельств, среди которых существенную роль играют вид глагола в основной клаузе, позиция причастия по отношению к определяемому слову (препозиция или постпозиция), наличие / отсутствие у причастия зависимых слов и т. д. [Русская корпусная грамматика].

Однако отличительной чертой романа «Преступление и наказание» является отсутствие жёстких закономерностей в употреблении временных форм причастий, о чём свидетельствуют примеры совпадения значений причастий настоящего и прошедшего времени в однотипных контекстах, ср.: *Из спальни же Свидригайлов, отомкнув дверь, запертую на ключ, **показал** Дунечке тоже пустую, **отдающуюся** внаем **квартиру*** ([Достоевский, 1970, с. 454-455] – далее при цитатах указываются только страницы в круглых скобках) // *Это **была** большая **комната**, но чрезвычайно низкая, единственная **отдававшаяся от Капернаумовых**, запертая дверь к которым находилась в стене слева* (с. 291). Тем не менее, в тексте романа можно выделить несколько критериев, способствующих разграничению словоформ настоящего и прошедшего времени, ср.:

1) *Вот эти-то мощные, всезнающие, **всех презирающие*** (препозиция) *и всех обличающие **кружки** уже давно **пугали*** (НСВ) *Петра Петровича каким-то особенным страхом, совершенно, впрочем, неопределённым* (с. 336) // ***Были*** (НСВ) *тут и **русские, тоже слишком презиравшие этот народ*** (постпозиция), – *один бывший офицер и два семинариста...* (с. 506);

2) *В самую эту минуту, в углу, между маленьким шкапом и окном, он **разглядел*** (СВ) *как будто **висящий на стене*** (препозиция) *салон* (с. 256) // – *Одиннадцатый час! – вскрикнула она, **взглянув*** (СВ) *на свои великолепные золотые **часы** с эмалью, **висевшие у ней на шее на тоненькой венецианской цепочке*** (постпозиция) *и ужасно не гармонировавшие с остальным нарядом* (постпозиция) (с. 202);

3) *Вдруг она **заметила*** (СВ) ***поспешно подходящего со стороны Сенной*** (препозиция) ***Свидригайлова*** (с. 453) // *По комнате он уже почти бежал <...> засунув правую руку за спину, а левою непрерывно помахивая и **выделявая*** (НСВ) ***разные жесты, каждый раз удивительно не подходившие к его словам*** (постпозиция) (с. 312).

В трёх парах приведённых примеров, как и в целом ряде других случаев, определяющее значение для выбора временной формы причастия имеет позиция словоформы: перед определяемым словом, как правило, употребляются причастия настоящего времени, а в постпозиции – прошедшего. Однако имеются и сравнительно многочисленные примеры нарушения этой закономерности, например: *На улице жара стояла <...> столь известная **каждому петербуржцу, не имеющему возможности нанять дачу**...* (с. 4) // *Марфа Петровна, **имевшая несчастье столь полюбить его и выкупить из долгов*** <...> *послужила ему еще и в другом отношении...* (с. 274–275); *...наш брат, только что начинающий прак-*

тиковать, своих первых пациентов, как собственных детей, любит... (с. 206) // **Чувство** бесконечного **отвращения, начинавшее давить и мутить его сердце** <...> **достигло** теперь такого размера и так ярко выяснилось, что он не знал, куда деться от тоски своей (с. 9). В процитированных предложениях в постпозиции представлены обе временные формы причастий, поэтому связь с позицией причастия по отношению к определяемому слову является, на наш взгляд, только одной из тенденций к разграничению указанных словоформ.

Заслуживают внимания и особенности употребления одиночных причастий, которые в группе производных от глаголов НСВ составляют 44% (171 пример). Здесь преобладают причастия настоящего времени (134 примера), из которых 114 лексем (85%) употребляются в препозиции. Характерно, что эти причастия во многих случаях конкретизируют, дополняют значение определяемого слова, часто образуя с ним единое понятие. Например: *Оттого-то в пьющей компании они и стараются всегда как будто выхлопотать себе оправдание, а если можно, то даже и уважение* (с. 13); *Она не сопротивлялась, но, вся трепеща как лист, смотрела на него умоляющими глазами* (с. 463) и т. д. В подгруппе же одиночных причастий прошедшего времени подобных примеров фактически нет. И тем не менее, значения причастий настоящего и прошедшего времени даже в таких случаях далеко не всегда поддаются убедительному разграничению, ср.: *Пульхерия Александровна дрожащими руками передала письмо* (с. 214) // *Катерина Ивановна стала раздевать его, осматривать, суежилась и не терялась, забыв о себе самой, закусив свои дрожавшие губы и подавляя крики, готовые вырваться из груди* (с. 157). При анализе подобных примеров, видимо, уместно сравнение с особенностями употребления финитных форм глагола в настоящем времени в тех случаях, когда они выражают значение вневременности [Виноградов, 1972, с. 429 – 430, 449 – 450].

Таким образом, при изучении причастий важно учитывать не только грамматическое значение глагольного признака 'время', но и критерии разграничения временных словоформ причастий в аспекте их употребления, что особенно важно при выполнении заданий по развитию речи.

Необходимо отметить, что выбор форманта причастия в значительной степени зависит от структуры глагольной основы, её классовой принадлежности (в школьной классификации это деление на 1-е и 2-е спряжение). Отчётливее всего указанная зависимость проявляется при выборе формантов действительных причастий настоящего времени, у которых к основам глаголов 1-го спряжения присоединяется суффикс *-ущ/-ющ-*, а к основам 2-го спряжения – суффикс *-ащ/-ящ-*. Причастия, мотивированные глаголами 2-го спряжения, в анализируемом романе представлены 28 словоформами настоящего времени (23%) и 43 словоформами прошедшего времени (22%).

Следует обратить внимание на отсутствие в романе Ф. Достоевского причастий с суффиксами *-уч/-юч-* и *-ач/-яч-*, которые, будучи маркированными как разговорные, тем не менее, ещё встречались в ху-

дожественной литературе в середине XIX в. В анализируемом романе словоформы с указанными суффиксами функционируют как прилагательные. Это отчётливо видно при сравнении производных от одних и тех же глаголов. В нашем материале имеется три пары таких лексем, ср.: *Посреди улицы стояла коляска, щегольская и барская, запряженная парой горячих серых лошадей* (с. 162) // *Горящий взгляд* Раскольникова готов был испепелить его (с. 369); ...она <...> вдруг вскрикнула, увидев на самом пороге **стоящего на коленках мужа** (с. 24 – 25) // ...пахло известью, пылью, **стоячею водой** (с. 255); С новым, странным, почти болезненным, чувством всматривался он <...> в эти кроткие голубые **глаза, могущие сверкать таким огнем...** (с. 300) // Он сходил тихо, не торопясь <...> полный одного, нового, необъятного ощущения вдруг прихлынувшей полной и **могучей жизни** (с. 173).

Более сложным является разграничение формантов прошедшего времени *-вш-* и *-ш-*. Ср.: *сверкну-ть* > *сверкнувший*, но *возникну-ть* > *возникшего*, *озябну-ть* > *озябший*. Имеющийся в инфинитиве глаголов суффикс *-ну-* (по классификации А. Лескина это глаголы 2-го класса) при образовании причастий чаще всего опускается и к основе на согласный присоединяется усечённый формант *-ш-*: *возникшего*, *вспухшею*, *высохшею* и под. В анализируемом романе с суффиксом *-вш-* представлены только следующие причастия: *минувших*, *прихлынувший*, *промелькнувшею*, *сверкнувший*, *ужаснувшею*, а также *отставшими*, *привставший*, *ставших*, глагольные основы которых выходят за пределы этого класса [Горшкова, Хабургаев, 1981, с. 284 – 285]. В анализируемом романе зафиксирован один пример использования вариантных словоформ, ср.: *В эту-то ночь, перед утром, он и проснулся в кустах, на Крестовском острове, **весь издрогнувший**, в лихорадке...* (с. 410); *Грязная, **издрогшая собачонка**, с поджатым хвостом, перебежала ему дорогу* (с. 476). В целом же причастия, образованные от основы прошедшего времени без *-ну-*, более употребительны.

Разграничение формантов *-вш-* и *-ш-* актуально и для действительных причастий, которые мотивируются глаголами с бывшими основами на согласный (1-й класс по классификации А. Лескина). В современном русском языке сохраняется исконный тип основ на согласный, к которым при образовании причастий присоединяется усечённый суффикс *-ш-*. В романе Ф. Достоевского это следующие причастия: *обросший*, *отёкшим*, *пресекающую*; *запёкшимися*, *разнёсшейся* и 9 словоформ с корнем *-шед-* типа *вошедшая*, *дошедшие*, *сошедшихся*. Но кроме основ на согласный, в этом классе в результате монофтонгизации дифтонгов и других фонетических изменений возникли основы на гласный (**kol-ti* > *коло-ть*, **vъzim-ti* > *взя-ть*), к которым присоединяется полный вариант суффикса *-вш-*: *впавшими*, *вырвавшиею*, *залившиею* и под. (ср.: *умере-ть* > *умершим*).

Заключение

Таким образом, рассмотрение особенностей реализации грамматических признаков глагольных основ при образовании причастий тре-

бует не только учёта исторических изменений типов глагольных основ, но и системного подхода – не в разрозненных примерах, а в систематизированных группах наиболее частотных слов. Полная выборка причастий в романе Ф. Достоевского «Преступление и наказание» при таком подходе показывает содержательные и формальные лингвистические характеристики текста, наиболее значимые на фоне закономерностей стандартизации норм русского языка.

Литература

Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д. (2020) Русский язык. Теория. 5-9 классы: учебник. Вертикаль. ФГОС. М.: Дрофа. 320 с.

Бекасова Е.Н., Устюгова Л.М. (2016) К вопросу об изучении русских причастий // Schválené edičnou radou Univerzity sv. Cyrila a Metoda v Trnave a s vedomín Filozofický fakulty Univerzity sv. Cyrila a Metoda v Trnave. Zborník je jedným z výstupov grantového projektu KEGA č. 025UCM-4/2014 Zvyšovanie efektivity edukačného hrocesu v rusko-slovenskej komparácii. Brno: Tribun EU. S. 180 – 187.

Бекасова Е.Н., Устюгова Л.М. (2019) Особенности функционирования причастий в художественной прозе А. Чехова 1895-1903 гг. // Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Междунар. конгр. исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 20–23 марта 2019 г.): Тр. и материалы / под общ. ред. М.Л. Ремнёвой и О.В. Кукушкиной. М.: Изд-во Московского ун-та. С. 166 – 167.

Бунеев Р.Н., Бунеева Е.В., Комиссарова Л.Ю., Текучёва И.В. (2016) Русский язык. 6 класс: учебник; в 2 ч. Ч. 2 / под науч. ред. акад. А.А. Леонтьева: 3-е изд., перераб. М.: БАЛАСС. 144 с. (Образовательная система «Школа 2100»).

Виноградов В.В. (1982) Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв.: учебник; 3-е изд. М.: Высшая школа. 528 с.

Виноградов В.В. (1972) Русский язык (Грамматическое учение о слове): 3-е изд. М.: Высшая школа. 639 с.

Войдович Д.П. (2016) К проблеме грамматического статуса причастных форм/конструкций в славянских языках // Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. Т. 15, № 2. С. 174 – 186. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.2.21>.

Вольнец Т.Н. (2011) О грамматическом статусе причастий в русском языке (диахронический и синхронный аспекты) // Веснік БДУ. Сер. 4., № 2. С. 66 – 71.

Горишкова К.И., Хабургаев Г.А. (1981) Историческая грамматика русского языка: учеб. пособие для ун-тов. М.: Высшая школа. 389 с.

Достоевский Ф.М. (1970) Преступление и наказание. Роман в шести частях с эпилогом. Петрозаводск: Карелия. 512 с.

Замятина И.В. (2009) Грамматика русского причастия. Пенза: ПГПУ. 264 с.

Замятина И.В., Сызранова Г.Ю. (2013) Семантическая природа причастных форм: глагольность, адъективность, субстантивность // Изв. вузов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 3 (27). С. 118–127.

Изотов А. И. (1993) Чешские атрибутивные причастия на фоне русских (Česká a ruská participia složená). М.: Изд-во Московского ун-та. 100 с.

Колесов В.В. (2005) История русского языка: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия. 672 с.

Котов А.А., Мухина Е.А. (2019) Проблемные зоны русской грамматики в аспекте преподавания русского языка как иностранного: русское причастие // Вестн. Череповецкого гос. ун-та. № 5 (92). С. 135–146. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-5-92-10

Кунавина И.И. (2016) Грамматический статус причастия в современном русском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 2. С. 68 – 73.

Лингвистический энциклопедический словарь (1990) / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия. 685 с.

Пешковский А.М. (2001) Русский синтаксис в научном освещении: 8-е изд. М.: Языки славянской культуры. [1-е изд. – 1914, 3-е изд., перераб. – 1928].

Разумовская М.М., Львова С.И., Капинос В.И. (2019) Русский язык. 6 класс: учебник. М.: Дрофа. 335 с.

Русская грамматика: в 2 т. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология (1982) / Н.С. Авилова, А.В. Бондарко, Е.А. Брызгунова и др. М.: Наука. 783 с.

Русская корпусная грамматика [Электронный ресурс] URL: <http://rusgram.ru/Причастие> (дата обращения 12.02.21).

Устюгова Л.М. (2017) Причастия в идиостиле Ф. Достоевского // Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX-XXI веков: сб. статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Липецк: Изд-во Липецкого гос. пед. ун-та. С. 131 – 138.

Устюгова Л.М. (2016) Реализация потенциальных возможностей русских глаголов при образовании нефинитных форм // Русский язык в поликультурном мире: X Междунар. науч.-практ. конф. (8 – 11 июня 2016 г.): сб. науч. статей. В 2 т. / отв. ред. Е.Я. Титаренко. Симферополь: ИТ «АРИАЛ». Т. 1. С. 247 – 256.

Шахматов А.А. (1957) Историческая морфология русского языка. М.: Учпедгиз. 400 с.

References

Babaitseva V.V., Chesnokova L.D. (2020) *Russian. Theory. 5-9 classes*. Textbook. Vertical. Moscow, Drofa. 320 p. (In Russian).

Bekasova E.N., Ustyugova L.M. (2016). On the issue of studying Russian communions. *Approved by the Editorial Board of the University of St. Cyril and Methodius in Trnava and with the knowledge of the Faculty of Arts of the University of St. Cyril and Methodius in Trnava. The collection is one of the outputs of the grant project KEGA no. 025UCM-4 | 2014 Increasing the effectiveness of the educational process in the Russian-Slovak comparison*. Brno: Tribun EU, pp. 180-187. (In Russian).

Bekasova E.N., Ustyugova L.M. (2019) Features of the functioning of participations in A. Chekhov's art prose 1895-1903. *Russian language: historical fates and modernity: VI International Congress of Russian Language Researchers (Moscow, Faculty of Philology of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, March 20-23, 2019): Works and Materials*. Moscow, Publishing House of Moscow University, pp. 166-167. (In Russian).

Buneev R.N., Buneeva E.V., Komissarova L.Yu., Tekucheva I.V. (2016) *Russian. Grade 6. Textbook. In 2 parts. Part 2*. Ed. 3rd, rework. Moscow, BALASS. 144 p. (Educational system "School 2100"). (In Russian).

- Dostoevsky F.M. (1970) *Crime and punishment. Novel in six parts with an epilogue*. Petrozavodsk, Karelia. 512 p. (In Russian).
- Gorshkova K.I., Khaburgaev G.A. (1981) *Historical grammar of the Russian language: Text. manual for universities*. Moscow, Vysshaya shkola. 389 p. (In Russian).
- Izotov A.I. (1993) *Czech paraphernalia against the background of the Russians (Czech and Russian participles composed)*. Moscow, Moscow State University. 100 p. (In Russian).
- Kolesov V.V. (2005) *History of the Russian language: Textbook for student philological faculty higher educational institutions*. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University. Moscow, Publishing Center "Akademia". 672 p. (In Russian).
- Kotov A.A., Mukhina E.A. (2019). Problematic zones of Russian grammar in the aspect of teaching the Russian language as a foreign language: Russian communion. *Bulletin of Cherepovets State University*, no. 5 (92), pp. 135-146. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-5-92-10. (In Russian).
- Kunavina I.I. (2016). Grammatical status of communion in modern Russian. *Current problems of philology and pedagogical linguistics*, no. 2, pp. 68-73. (In Russian).
- Linguistic Encyclopedic Dictionary* (1990). Editor-in-Chief V.N. Yartseva. M.: Sov. encyclopedia, 685 p. (In Russian).
- Peshkovsky A.M. (2001) *Russian syntax in scientific lighting*. 8th ed. M.: Languages of Slavic culture. [1st ed. – 1914, 3rd ed., Revised. – 1928]. (In Russian).
- Razumovskaya M.M., Lviv S.I., Kapinos V.I. (2019) *Russian. Grade 6. Textbook*. M.: Drofa. 335 p. (In Russian).
- Russian grammar*. (1982) In two volumes. Vol. 1. *Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology*. [N. S. Avilova, A. V. Bondarko, E. A. Bryzgunov and others]. Moscow, Nauka. 783 p. (In Russian).
- Russian corps grammar*. Available at: <http://rusgram.ru/participle> (accessed 12.02.21). (In Russian).
- Shakhmatov A.A. (1957) *Historical morphology of the Russian language*. Moscow: Uchpedgiz. 400 p. (In Russian).
- Ustyugova L.M. (2017) Communion in the idiostyle of F. Dostoevsky. *Spirituality and mentality: the ecology of language and culture at the turn of the 20th-21st centuries: Selected articles on the materials of the International Scientific and Practical Conference*. Lipetsk: Publishing House of Lipetsk State Pedagogical University. Pp. 131-138. (In Russian).
- Ustyugova L.M. (2016). Realizing the potential of Russian verbs in the formation of non-finite forms. *Russian language in the multicultural world: X International Scientific and Practical Conference (June 8-11, 2016): selection of scientific articles. In 2 vols.* Ed. E.Ya. Titarenko. Simferopol: IT "ARIAL" Vol. 1, p. 247-256. (In Russian).
- Vinogradov V.V. (1982) *Essays on the history of the Russian literary language of the XVII-XIX centuries: Textbook*. 3rd ed. Moscow, Vysshaya shkola, 1982. 528 p. (In Russian).
- Vinogradov V.V. (1972) *Russian language (Grammatical doctrine of the word)*. Ed. The 3rd. Moscow, Vysshaya shkola. 639 p. (In Russian).
- Voidovich D.P. (2016) To the problem of the grammatical status of the involved forms/constructions in Slavic languages. *Bulletin of Volgograd State University. Ser. 2, Linguistics*, vol. 15, no. 2, pp 174-186. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.2.21>. (In Russian).

Volynets T.N. (2011) On the grammatical status of participle in Russian (diachronic and synchronous aspects). *Bulletin of BSU. Ser. 4*, no 2, pp. 66-71. (In Russian).

Zamyatina I.V. (2009) *Grammar of the Russian communion*. Penza: PSPU. 264 p. (In Russian).

Zamyatina I.V., Syzranova G.Y. (2013). The semantic nature of the involved forms: verb, adjectivity, substance. *News of higher educational institutions. Volga region. Humanities*, no. 3 (27), pp. 118-127. (In Russian).

Elena N. Bekasova (Orenburg, Russian Federation)

On Peculiarities of Realization of Verb Stems in Active Participle Formation (Based on the Novel by F.M. Dostoevsky "Crime and Punishment")

Participle is one of the most debatable part of speech categories, since it is not only differently represented in the literary language and oral speech, but for a long period of its development is characterized by a kind of structural organization and functional-stylistic loading. As a result, the grammatical status of communion in the modern Russian literary language has not yet been finally determined. Most researchers believe that participle belongs to language categories that deserve close attention at all stages of the evolution of the language and require comprehensive study, in terms of preserving the grammatical features of the verb and transforming them into relevant values of pledge and time for participle as well. The development of participle as a special grammatical category has not been stopping in the conditions of standardization of the literary norm since the 19th century, which makes it necessary to study the implementation of participle in the most significant fiction texts for codification, which, of course, include F.M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment." The study of systematized groups functioning within this text makes it possible to identify the nature of the implementation of the features of verb foundations and the features of the representation of the form, pledge, transition/intransitivity in the formation of the most complex in terms of the historical formation of real participations in Russian.

Key words: *grammatical status of participle, active participle, verb stem, grammatical features, formants, systemic approach, idiostyle.*

Сведения об авторе / Information about the author

Бекасова Елена Николаевна, докт. филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета; Оренбург, Россия. Тел: +7-922-552-93-29. E-mail: bekasova@mail.ru

Elena N. Bekasova – grand Ph.D. of Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and Teaching Methods of Russian Language of the Orenburg State Pedagogical University. Orenburg, Russian Federation. E-mail: bekasova@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 28.05.2021, принята к публикации 17.06.2021.
The article was submitted 28.05.2021, accepted for publication 17.06.2021.*